

Тема поэта в стихотворениях Пушкина и Лермонтова

Развитие темы Поэта у Пушкина

Сначала Поэт пишет от праздной лени: о весне, цветах, любви, о стоящей перед ним чернильнице.

Подруга жизни праздной,
чернильница моя,
мой век разнообразный
тобой украсил я...

Тебя я посвятил
Занятиям досуга
И с ленью примирил:
Она твоя подруга...

Поэт творит пока от скуки, чтобы разнообразить свой досуг. Закончится жизнь Поэта, и уснет перо в осиротевшей чернильнице. Когда поэзия – лишь времяпровождение, летучий образ ее живет недолго. Стихи угасают, пока сохнут чернила.

Зима. Что делать нам в деревне? ...
Читать хочу: глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю
Беру перо, сажу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницей старинной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный,
Усталый, с лирою я прекращаю спор.
Иду в гостиную, там слышу разговор...

И вдруг Поэт пробуждается, он начинает чувствовать силу своего слова. Он хочет, чтобы его слышали. Небрежно бросает он писателю-прозаику:

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль, какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
летучей мыслью оперю.

Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу.

А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

Поэт начинает задумываться, для чего он творит. Описывать «забытые следы безумной ревности и дерзости ничтожной» – пустая цель, – говорит он себе и тут же гордо восклицает:

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея:
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам...

Поэт выбрал свой жребий!

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Поэт становится выразителем божественного слова, пророком. Страшное и мучительное перерождение претерпевает он. Посланник неба, шестикрылый Серафим, открывает ему всеобъемлющие очи и уши, через кровавое страдание дает мудрый язык и пылающее сердце. Поэт, преображенный подобно Иисусу на Фаворской горе, слышит повеление Бога:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Поэт идет по земле, неся божественную истину. Теперь ему не нужно мелочное признание людей. Наоборот, он должен вести их в вышину за собой. Напутствие дает себе Поэт:

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд.

Люди не всегда понимают Поэта-пророка, но он идет к своей цели.

Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.
И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?...

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя».

Поэт отвечает:

«Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв».

Поэт говорит простые и правильные истины, и люди идут за ним. Голос Поэта не умолкнет, слава его не умрет, он уверен в этом!

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Развитие темы Поэта у Лермонтова

Если Пушкинский Поэт заканчивает пророком, то Лермонтовский – начинает с него. Он уже стоит на божественной высоте и, помня завет предвечного, стремится глаголом жечь сердца людей. Но он не слышит ответа на свое «из пламя и света рожденное слово».

Поэт ищет причину людского непонимания в себе. В начале творческого пути он согласен даже страданием и мукой платить за священный дар поэзии.

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан? –
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Он получает этот дар. Поэту доступно божественное творчество. Так говорит о нем читатель из стихотворения «Журналист, читатель и писатель»:

Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Издатель журнала хочет заполучить новые стихи Поэта. Он упрекает его, что среди жизненных забот и развлечений он перестал писать, что разменял свою душу на мелочь.

Издатель и читатель не понимают истинной причины бездеятельности Поэта. Он – не может спускаться с высоты божественных смыслов, на которую его возвел пушкинский Поэт. Он пытается им объяснить:

О чем писать? – восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;

Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К N. N., неведомой красе, –
И страшно надоели все.

Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

В душе Поэта иногда появляется надежда, он пишет о светлом будущем, зовет за собой:

Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова.

Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.

Но Поэт тут же останавливает себя: все это ребяческий, пустой бред. Он не хочет быть осмеянным. Такие стихи нельзя показывать людям, и он бросает их в камин.

Иногда Поэта гнетут воспоминания, тревожа язвы старых ран. Его воображение рисует давно забытые названья и черты. Тогда он пишет,

Диктует совесть,
Пером сердитым водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;

Картины хладного разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей.

И опять Поэт останавливает себя: все это в прошлом, и никому не интересно. Поэту интересно – описывать действительность.

Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно-черных
И ложно-радужных надежд,

Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок,
Я смело придаю позору...

Поэт понимает, что такие стихи тоже никогда не увидят свет. Он говорит:

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь?
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?

Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?

О нет! - преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю.

Поэт отказывается от славы! Поэтому, он и не создает свой «Памятник», как Пушкин. Он не видит темы для своего творчества. Он чувствует себя бесполезным, похожим на кинжал, повешенный на стену. Это грозное оружие уже не используется по назначению.

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда, на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

Пушкинский Поэт всем своим творчеством восходил на божественную высоту пророка, Поэт Лермонтова хочет удержаться там, но не верит в свои силы. Он – скептик. Выполняя завет Бога, он видит вокруг себя только презрение и насмешки, и уходит от людей в пустыню.

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья –
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи.

Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная.
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Уход Поэта-пророка от людей означает отказ от борьбы за их души. И все-таки прав Пушкин, а не Лермонтов. Слово Поэта не пропало даром, отозвалось в последующих поколениях. Новые поэты ищут свои роли, темы и слова: Бальмонт, Бродский, Башлачев, Цветаева и многие другие.

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны;
Перепевные, гневные, нежные звоны.
Я — внезапный излом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всех и ничей.

...Свои стихи
доканчивая кровью,
они на землю глухо опускались.
Потом глядели медленно
и нежно.
Им было дико, холодно
и странно.
Над ними наклонялись безнадежно
седые доктора и секунданты.
Над ними звезды, вздрагивая,
пели,
над ними останавливались
ветры...

Поэт умывает слова, возводя их в приметы,
Подняв свои полные ведра внимательных глаз.
Несчастливая жизнь! Она до смерти любит поэта.
И за семерых отмеряет. И режет — эх, раз, еще раз!

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь.